

18+

Тайбо

Сказки Водской Земли

Тайбо

Калыгуа

УаѢѢамааст

Андрей Трагертсон

Андрей Традерсон

**Тойво. Сказки Водской земли.
Toivo. Kaazgad Vaddamaast**

«Издательские решения»

Традерсон А.

Тойво. Сказки Водской земли. Toivo. Kaazgad Vaddamaast /
А. Традерсон — «Издательские решения»,

В древней Водской земле, где леса шумят как волны моря, а реки помнят шаги предков, живет Тойво -герой водского народа. В этой книге современные водские сказки от писателя-вожанина, в ней читателя ждут 15 сказок о подвигах водского воеводы Тойво в импровизированных автором легендах и мифах Водской земли-Vaddamaa

Содержание

Водская земля	7
Сказка первая. Зов леса	9
Сказка вторая. Лесной народ	11
Сказка третья. Хозяин Медвежьей горы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Тойво. Сказки Водской земли Toivo. Kaazgad Vaddamaast

Андрей Традерсон

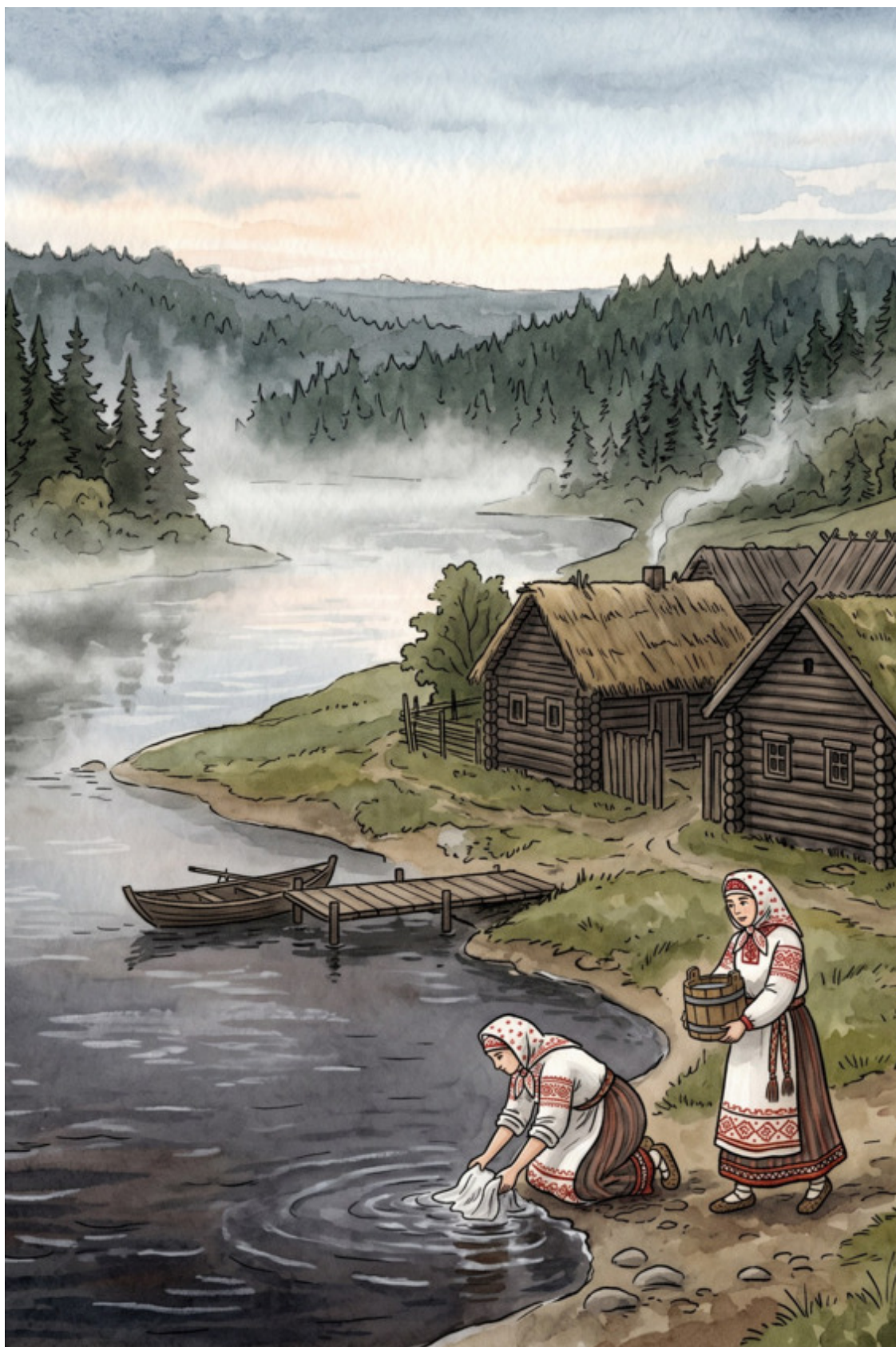
Иллюстратор AI

© Андрей Традерсон, 2026

© AI, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-7890-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Водская земля

Давным-давно, много сотен лет назад, лежала на севере, у холодного моря, земля, которую народ местный тогда звал *Vaddamaa* — Водская земля. Раскинулась она между двух рек: на восходе бежала быстрая Ижора, на закате катила тёмные воды широкая *Laugaz*, по-русски Луга. А между реками стояли леса, такие старые, что помнили те времена, когда людей на свете ещё не было вовсе.

В той земле говорили так: «Леса у нас говорят, а реки помнят». И была то не присказка, а чистая правда. Кто умел слушать, тот слышал, как сосны шепчутся о вестях с моря, как ели ворчат про непрошенных гостей, как берёзы смеются первой весенней листвой. А реки помнили всё: каждую лодку, каждую песню, каждое слово, что сказано на берегу. Скажешь у воды доброе слово — река унесёт его далеко и добром вернёт. Скажешь злое — берегись: и злое к тебе вернётся. Жил в той земле народ водь, числом невеликий, да сердцем крепкий. Рубили вожане дома из смолистых брёвен, сеяли рожь и ячмень, держали пёстрых коров, ловили в реках лосося, а в море — осетра и серебристую салаку. Женщины носили белые платки и передники, вышитые красной нитью, и пели красивые песни *gunõd*, такие что даже птицы замолкали их послушать. Говорил народ на своём языке водском *vadda seeli*, певучем, как ручей по камням.

Стояли водские деревни и по рекам, и у самого моря: и *Jõgõperä* на Луге, и *Luutsa* — Лужицы, и *Liivtšulä* — Пески. А за лесами, на восходе, поднимался великий город Новгород. Новгородцы звали водскую землю Водской пятиной и были води соседями добрыми: вместе торговали, вместе и врага встречали, коли приходил враг.

Старейшиной же, воеводой и первым защитником водского народа был в те годы Тойво. Имя его на водском языке значит «надежда» и лучшего имени для него было не сыскать. Был Тойво широк в плечах, как амбарная дверь, рука у него была тяжёлая, а сердце доброе. Борода

русая, волосы до плеч, глаза серые и спокойные, как ноябрьская вода. Не любил Тойво воевать, но умел, как никто в пятине. Не любил громких слов, но уж если говорил, слушали все, от мала до велика.

Отец его, старый Валто, учил сына так: «Сила даётся не для того, чтобы брать, а для того, чтобы беречь». И Тойво запомнил это на всю жизнь.

Сказка первая. Зов леса

В ту осень, о которой пойдёт речь, неладное началось в Водской земле.

Сперва у вдовы Насто со двора пропала корова пёстрая, лучшая во всех Лужицах. Подумали: волки. Потом у мельника не вернулись с выпаса две овцы, а следов волчьих вокруг нет. А потом прибежал с дальнего луга пастушок Мати, белый, как молоко, и слова выговорить не может:

— Камни!.. Камни в лесу ходят! Утром стоял валун на пригорке, а к вечеру он уже у ручья! И мох на нём дыбом, и след за ним по земле, как борозда от сохи!

Посмеялись бы над мальчишкой, да не до смеха стало. Лес переменялся. Потемнел, замолчал, будто насупился. Грибники заблуждались в лесу на тропах, которые знали с детства. Из чащи даже в полдень тянуло стужей, как из погребца. А ночами слышался из-за реки Ижоры глухой стон, будто сама земля вздыхала от боли.

Старики шептались по избам:

— Каменный дух Kivihaltia проснулся.

Испокон веку спал тот дух под великим камнем в самой глуши, там, где корни деревьев уходят в землю Ижоры. И был он духом добрым: носили к его камню молоко, тёплый хлеб, первую горсть зерна с поля, а дух за то хранил стада, стерёг тропы и отводил от деревень беду. Деды помнили его добрым. Отчего же он стал злым вдруг никто сказать не мог.

Собрался тогда водский совет старейшин kübäne со всех водских деревень. Съехались в Лужицы: и седой Пярт из Песков, и кузнец Урхо с Луги, и старая Кадой, что знала травы и старые слова, и много иных почтенных людей. В тот день спор был до хрипоты.

— Уходить надо к морю, — говорил Пярт. — С духом не сладишь. Переждём, авось утихнет.

— Звать надо новгородцев с мечами! — гремел кузнец Урхо. — У них дружина, у них железо, а это сила!

— Эх вы, — качала головой старая Кадой. — Мечом духа не возьмёшь. Меч камню, что дождь: стучит, а камню и дела нет. Тут иное надобно, только вот что — не ведаю. И тогда все повернулись к Тойво, который сидел у края стола и молчал.

— Рассуди, Тойво, ты старейшина, ты воевода. Как скажешь — так и сделаем.

Тойво спокойно поднялся, и стало тихо.

— Прежде чем судить, — сказал он, — я спрошу лес. Лес у нас говорящий, а наша беда — и его беда тоже.

В ту же ночь пошёл Тойво один на опушку. Положил на старый пенёк хлеб и соль, сел рядом и стал слушать. Долго молчал лес. Ухнула сова, проскрипела где-то ель. А потом зашумели сосны, сперва тихо, потом ясней, и Тойво, умевший слушать, разобрал:

— Иди-и-и... ка-амень пла-ачет... в сердце его ра-ана...

И река Луга подхватила с плеса, звеня на перекате:

— Помню, помню, каким он добрым был... Верни его, Тойво, верни...

До первых петухов сидел Тойво на опушке, а утром вернулся к совету и сказал:

— Дух не злой. Дух больной. А больного не бьют — больного лечат. Пойду в лес, найду великий камень и узнаю, что за рана у Каменного духа. Один пойду: войско — для войны, а тут не война.

Заохали старейшины, да перечить не стали — знали: коли Тойво решил, так тому и быть.

Собирали его всем миром. Кузнец Урхо наточил ему отцовское копье так, что о лезвии можно было разрезать волос. Старая Кадой повесила ему на шею мешочек с сушёной рябиной — «от лесной тоски и дурного глаза». Вдова Насто напекла хлебов, а пастушок Мати принёс свой оберег — утиную лапку на шнурке и очень просил взять с собой.

Провожали Тойво всей деревней до самой опушки. Он обернулся, поклонился людям и сказал:

— Ждите меня к первому снегу. А не вернусь к снегу — всё равно ждите.

И шагнул под тёмные ели. И лес закрыл за ним ветви, тихо, как закрывают дверь за долгожданным гостем.

Сказка вторая. Лесной народ

Три дня шёл Тойво через чащу, и с каждым днём лес становился темней и старше. На третий день исчезли тропы, все до единой, будто кто смёл их метлой. Куда ни глянь, ели стеной, мох по колено, и тишина такая, что собственное сердце слышно.

«Ну, — подумал Тойво, — вот и заплутал. Пастухи говорили: в этих местах и белка дорогу теряет».

Но не таков был Тойво, чтобы тревожиться попусту. Развёл он костерок на сухом пригорке, повесил котелок, а когда сварилась каша, сделал то, чему учил его отец: первую ложку положил на широкий лист лопуха и отнёс в сторонку, под старую ель.

— Хозяева лесные, *metsänväki*! — сказал он с поклоном. — Не побрезгуйте кашей с дымком. Иду я не с худом, а с добром, да вот дороги не знаю.

Сел обратно к костру и ждёт. Долго было тихо. А потом зашуршало под елью, зашевелился мох и вышел из-за корней старичок ростом с сапог. Кафтан на нём из еловой коры, борода седой лишайник, глазки как две спелые брусничины. За ним второй показался, помоложе, в шапке из мухомора, а на ветку берёзы присела лесная девица с зелёными волосами и стала расчёсывать их еловой шишкой.

— Каша с солью, — прошамкал старичок, отведав. — Двести лет каши с солью не едал. Люди нынче в лес с топорами ходят, а с кашей не ходят.

— Отведай ещё, дедушка, — сказал Тойво и пододвинул котелок.

Съел старичок полкотелка и куда только в него влезло, крякнул и говорит:

— Знаю, знаю, зачем идёшь, Тойво, сын Валто. К великому камню идёшь, к *Kivihaltia*. Все в лесу про то шепчутся, от муравья до глухаря.

— А коли знаешь, дедушка, так скажи: что за беда с духом стряслась? Отчего из доброго стал злым?

Помрачнел лесной старичок, и мох на его бороде поник.

— Не злой он, а раненый. Прошлой зимой приходили в лес чужие люди, не ваши, не водские. Искали клады под старыми камнями. Великий камень ломали, ворота, огнём палили, да клада не нашли, а в сердце камня трещину оставили. Ушли и забыли. А через ту трещину стала утекать из духа вся его доброта, как тепло из избы через щель. Что осталось, то стынет и камнеет. Боль его по лесу ходит, скот уводит, тропы путает. Ещё год и станет Kivihaltia чёрным камнем без сердца, и тогда худо будет всему лесу и всем деревьям.

— Как же ему помочь? — спросил Тойво.

— Того я не ведаю, — вздохнул старичок. — Мы, лесной народ, малые духи: наше дело — грибы растить да тропы вить. А про большое спроси у тех, кто постарше нас. Иди на полночь, к Медвежьей горе. Там живёт медведь Karhu, хозяин леса. Он из зверей самый старший, авось он знает. Только берегись: он нынче никого дальше не пропускает, ни зверя, ни человека.

— Спасибо и на том, дедушка.

— И вот ещё что, — старичок хитро прищурился. — За кашу — подарок.

Свистнул он по-птичьи, и лесная девица бросила с берёзы Тойво клубочек — маленький, сваянный из зелёного мха.

— Брось наземь — он тропу к Медвежьей горе покажет. А как дойдёшь — сам домой прибежит. Мох казённый, лесной, нам его беречь надобно, — важно пояснил старичок. Поклонился Тойво лесному народу до земли. А когда поднял голову — никого уже не было: ни старичка, ни молодого в мухоморовой шапке, ни девицы на берёзе. Только лист лопуха лежал чистый, будто вылизанный, да с ели донеслось тихое, шелестящее:

— Ступа-ай с добро-ом... и с добром верне-ошься...

Бросил Тойво клубочек наземь. Подпрыгнул тот, покатился между елей, а за ним и тропинка сама собой стелется: мох расступается, ветки поднимаются, коряги в сторону отползают. Улыбнулся Тойво в бороду, поправил копьё за спиной и зашагал следом, в полночь, к Медвежьей горе.

Сказка третья. Хозяин Медвежьей горы

Катился мшистый клубочек день, катился другой, а на третий день привёл Тойво к Медвежьей горе. Была то и не гора вовсе, а великий лесистый холм, и на склоне его, между двух поваленных сосен, чернел вход в медвежье логово. Кости да ломаные рогатины валялись у входа, видно что, не один охотник тут удачи пытал, да без удачи остался.

Клубочек у подножия горы подпрыгнул, поклонился и укатился восвояси, домой к лесному народу.

Не успел Тойво и шагу ступить, как загудела земля. Вышел из логова медведь, да какой! В холке с лошадь, лапы как брёвна, когти как серпы, а шкура бурая, в старых шрамах, как в зарубках. Встал медведь на дыбы, и стал он ростом с молодую ель.

— Р-р-ры! Кто посмел прийти к моей горе? — заревел он, и с сосен посыпалась хвоя.

— Я Тойво, сын Валто, из народа водь, — ответил Тойво и наземь копьё не бросил, но и вперёд не выставил. — Иду к великому камню, к раненому духу. Говорят, ты, хозяин здесь, старше всех зверей в лесу и можешь совет дать.

— Совет?! — рыкнул медведь. — Люди приходили зимой к великому камню с ломами да с огнём! Люди камень изранили! С тех пор мой закон: ни один человек через мой лес не пройдёт. Уходи — или биться будем!

— Те люди были чужие, не наши. А я иду духа не грабить, а лечить.

— Все вы так говорите! — взревел медведь. — Будем биться!

Делать нечего. Отложил Тойво копьё к сосне, против хозяина леса с железом идти негоже, да и не за смертью он пришёл, поплевал на ладони и встал напротив медведя крепко.

И сошлись они — человек и зверь. Обхватил медведь Тойво лапами так, что у иного бы рёбра хрустнули, да Тойво упёрся, как столетний дуб. Мял его медведь, ломал, а сломать не

мог. Три часа боролись они на склоне горы: землю до глины стоптали, молодую поросль поваляли, ручей запрудили. Наконец изловчился Тойво, ухватил медведя за загривок, крутанул и лёг хозяин леса на обе лопатки, а Тойво сверху насел и держит.

Затих медведь. А потом сказал глухо:

— Твоя взяла, человек, бери копьё, и закачивай. Такой закон: кто хозяина горы одолел, тому и шкура.

Поднялся Тойво, отряхнулся и протянул медведю руку:

— Вставай, хозяин. Не за шкурой твоей я шёл. Сила даётся не для того, чтобы брать, а чтобы беречь, — так меня отец учил. Вставай, не гоже хозяину зверей на спине лежать. Долго смотрел медведь на протянутую руку. Потом осторожно, как за хрупкую веточку, взялся за неё лапицей и встал.

— Восемьсот лет живу, — прогудел он изумлённо, — такого не видывал. Одолел — и пощадил. Стало быть, правду говоришь: не грабить идёшь. Он вздохнул, совсем по-стариковски. — Прости, что бился с тобой, Тойво. Sterегу лес, как умею, а ум-то у меня медвежий: сперва рычу и рву всех на куски, а только после думаю.

Сели они рядом на поваленную сосну, и Тойво поделился с медведем хлебом, а медведь с ним мёдом из дупла. И рассказал медведь вот что:

— К великому камню просто так не подойдёшь: боль духа кругом камня стеной стоит, студёная, серая. Пройти сквозь неё сможет лишь тот, у кого при себе три силы будет: сила земли, сила воды и сила сердца. Где их взять — не спрашивай, не знаю. Знаю только, что искать их надо не в глуши, а среди людей. Так старый ворон каркал, а ворон зря не каркнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.